

Алексей
Черкасов

СКАЛЬД НОЧНОГО ГОРОДА

УЛИСС

Когда Улисс по дублинским кварталам,
Свиную почку скушав, начал путь,
Слепая тень из тьмы веков восстала
Незрячим оком на него взглянуть

И, бельмами ему вперяясь в спину,
Простерла длань иссохшую свою
И изрекла, седые брови сдвинув:
«Ты, Одиссей? Тебя не узнаю!»

Но эта хмури Улисса не смутила.
Не оглянулся добрый мистер Блум,
В карман штанов засунул пачку мыла
И скрылся где-то меж афишных тумб.

Он не боялся выходца из мрака
(Что нам до предков, канувших впотьмах!),
Но твердо помнил: в мире есть Итака,
Где ждут его жена и Телемах.

В нем эта мысль засела, как заноза.
Свою судьбу он видел наперед,
Поскольку знал: был акт метемпсихоза,
И Одиссей отныне в нем живет,

А жизнь его, какая так богата
Несчастьями всем прочим не в пример,
Уже была написана когда-то.
Зря хмурит брови царственный Гомер.

Идет Улисс по дублинским кварталам,
В свою Итаку держит долгий путь.
И тень одно лишь слово прошептала,
Благословив его со вздохом: «Будь!»

БАРХАНЫ

Они молча бредут, оставляя следы на барханах,
И сияет луна неподвижно над их головой,
И волнистый песок – словно мертвый простор океана,
Словно лунный пейзаж, а совсем не пейзаж под луной.

Этот мир черно-бел. Полутона в нем нет и в помине,
И идти по нему можно только от света во тьму.
И так просто навек сгинуть в этой холодной пустыне,
Никого не любя и руки не подав никому.

Но как трудно любить безоглядно, безумно, до боли,
Вечно помня о том, что кому-то придется отстать,
И противиться вечно слепой и безжалостной воле,
Над которой никто не сумел еще верх одержать!

Пусть иссохнут тела, все в пыли и мучительных ранах,
И пустыня навек сможет память о них истребить;
Пусть сотрутся следы на безмолвных сыпучих барханах –
Мы горды уже тем, что дерзнули друг друга любить!

ЖЕЗКАЗГАН

С Горбатого моста стекающий к вокзалам
Свет встречных фар меня ударил вдруг в лицо.
Полынью пахнет ночь, мазутом пахнут шпалы
И взбрызнуто дождем дорожное кольцо.
Какая-то струна в моей душе проснулась,
И заболела вдруг одна из старых ран...
Я снова на такси в свою въезжаю юность,
Мой милый Жезказган, мой тихий Жезказган.

Когда я уезжал, ты ниже был и строже.
Пытаюсь я понять, но не могу понять,
Как же случилось так, что стал ты вдруг моложе,
Как будто для тебя шагнуло время вспять.
Изогнута судьба, как у гитары дека,
И степь вокруг тебя шумит, как океан...
Не верю, что тебе уж больше, чем полвека,
Мой милый Жезказган, мой тихий Жезказган.

Как часто вдалеке от берегов Кенгира
Искал я уголков, похожих на Кенгир!
За много долгих лет объехал я полмира,
Но показался мне унылым этот мир.
Не раз в краю чужом сжимало сердце горе,
Мой город у реки, извитой, как аркан.
Я плакал по тебе у рек, больших, как море,
Мой милый Жезказган, мой тихий Жезказган.

Вернулся я к тебе, как перекасти-поле,
Уставший от дорог и от чужой земли,
И капнула слеза помимо моей воли,
И высохла у ног, в родной степной пыли.
Скитаясь по земле, я стал чуть-чуть мудрее.
Я знаю языки далеких, дивных стран,
Но твой язык, ей-ей, моей душе роднее,
Мой милый Жезказган, мой тихий Жезказган.

КАПИТАНЫ МЕЧТЫ

Когда три кита от трудов утомились
И стала из плоской вдруг шаром Земля,
По ребрам ее растеклись и расплылись
Лежавшие прежде недвижно моря.

И там, где в былые века постоянства
Когда-то был край у земного блина,
Возникли безбрежные дали пространства,
В которых отныне царила волна.

И если когда-то, пускаясь в дорогу
И годы бредя по колено в пыли,
Порой доходили до Господа Бога
И видели рай его с края Земли,

То в новое время все сделалось проще,
Во всем отыскался банальный резон,
Признали легендою райские рощи,
И стал лишь условной чертой горизонт.

Быть может, скучнее на круглой планете,
И жизнь на ней сделалась в чем-то не та,
Но все же любовь не погибла на свете,
И в сердце людей не угасла мечта.

Рождались, как прежде, мятежные души –
Мальчишки, в глазах у которых заря,
И стало однажды им тесно на суше,
И властно мечта позвала их в моря.

Далекие земли и новые страны
Лишали покоя в назначенный срок.
Пятнадцатилетние шли в капитаны
И смело вели корабли на восток.

Им снились просторы, прекраснее наших,
И люди чужие, просторам под стать.
Упрямые дети не слушали старших –
Живя в послушанье, Колумбом не стать!

Они презирали все рифы и мели.
Бесстрашные до безрассудства порой,
Мальчишки в морях раньше срока выросли,
И каждый к шестнадцати был уж герой.

Они не хотели жить так, как другие,
Подвластны девизу: «Раз все, то не я!»
Им стала отчизной морская стихия,
Семьею им стал экипаж корабля.

А с берега матери вслед со слезами
Смотрели, пока не скрывались вдали,
С пунцовыми в свете зари парусами,
Несущие их сыновей корабли.

Но слезы – кого и когда им по силам
Бывало в родной стороне удержать!..
Уходят мальчишки в море за отливом.
Не плачь же напрасно, несчастная мать!

Что в сердце твоём происходит, я знаю,
Но юность горда и стыдится отцов.
Прости ей.
И мать прошептала: «Прощаю...
Храни же, Создатель, безусых юнцов!

Сынок, чтоб в пути тебе было теплее,
Я сердца частицу тебе отдаю.
Пусть нежность моя тебя в море согреет,
Мальчишка, ведущий свой бриг на зарю».

МЕЛАНКОЛИЕ

Чернявая красавица-румынка,
Со мною по соседству ты жила.
Была стройна ты, будто бы тростинка,
И, словно птичка в роще, весела.
Ты вечно по хозяйству хлопотала
(Ведь мама на работе допоздна!)
И тихо между делом напевала,
А песня у тебя была одна.
Она всегда летела за тобою,
Когда ты шла по жизни налегке.
Ее навек запомнил я такую –
Ту песню на румынском языке.
И слов ее созвучия простые
Звонят во мне, как струны, до сих пор:
«Меланколие, дулче мелодие,
Меланколие, мистериос амор».

Должно быть, родились мы друг для друга,
И было так назначено судьбой,
Чтоб с детства ты была моя подруга,
И я дружил с тобою лишь одной.
Нас осенила, мимо пролетая,
Своим крылом святой любви душа.
Росли мы вместе, словно Герда с Каем,
Лишь в унисон и мысля, и дыша.
Дразнили женихом нас и невестой,
Бурлила сплетен смрадная квашня,
И сколько раз про тили-тили-тесто
Нам вслед пищала злая малышня!
Но мы друг друга крепче лишь любили
Всем сплетникам на зло и перекор.
Меланколие, дулче мелодие,
Меланколие, мистериос амор.

Мы осени не знали и не ждали,
Ведь в нас звенела вечная весна.
Она цвела, звала с собою в дали,
А жизнь была прекрасна и ясна.
И нам казалось, что мы будем вечно
И непреложно счастливы с тобой,
Но где нам было знать, сколь скоротечно
Бывает счастье, данное судьбой.
А осень уже хмурилась, крепчала,
И тучи уж сгущались вдалеке,
Но в сердце нашем все еще звучала
Та песня на румынском языке.
Ее аккорды бережно хранили
От мертвых ветров робкий наш костер:
«Меланколие, дулче мелодие,
Меланколие, мистериос амор».

Но где ж теперь все это запропало?
Где та весна и где ее сады?
Для счастья человеку нужно мало.
Гораздо меньше нужно для беды.
Она змеей в расщелине гнездилась,
И был ее укус неотвратим.
Весна погасла, в тучах солнце скрылось,
И счастье скрылось в тучах вместе с ним.
И тут же осень черными крылами
Взмахнула над твоею головой...
Неужто это все случилось с нами?
Неужто это было все со мной?
Оборвалась струна, и вдруг застыли
В бессилье звуки, лопнувший аккорд:
«Меланколие, дулче мелодие,
Меланколи-и-и-и-и-и-и-и...»

* * *

Были дни, как мгновенья, и счастье, как крик в тишине,
И душа твоя птицей летела навстречу ко мне.
Но дорога качнулась, и жизнь потекла, как вода...
Об одном лишь прошу: вспоминай обо мне иногда.

Вспоминай обо мне в день, когда расцветают сады.
Я услышу твой голос в журчанье весенней воды.
И когда сиротой дождь осенний всплакнет у крыльца,
Назови мое имя и помни меня до конца.

Назови мое имя, и выплачь постылую грусть,
И поверь: на твой крик обязательно я отзовусь.
Пусть разлука над нами в полнеба разверзла крыла,
Но осталась любовь все такую же, как и была.

Ты прислушайся, глядя в осенних небес синеву,
И услышишь, как я позову вдруг тебя наяву,
И поймешь, что года и в пыли километры дорог
Не разделят вовек то, что сделал единым сам Бог.

* * *

Он был почти такой, как все вокруг.
Ну разве только чуточку страннее,
Застенчивей немного и скромнее,
С людьми сходилса медленно, не вдруг.

Ни у кого займы он не просил,
Жил тихо от зарплаты до зарплаты,
Не сплетничал, не крыл соседей матом
И даже водки, кажется, не пил.

Всему двору он с детства был знаком.
Все косточки ему перемывали
И без стыда при встрече называли
Кто чудаком, а кто и дураком.

А он привык, а он прощал их всех
И с вечно виноватою улыбкой
Шел по двору, неся футляр со скрипкой,
И опускал глаза в ответ на смех.

Но как-то раз внезапно он пропал,
Как будто растворился в теплом лете,
А во дворе никто и не заметил,
Что он играть на скрипке перестал.

Не вспомнило на лавках старичье,
Что жил он тихо, скромно, безобидно...
Когда иной уходит, это видно,
Ну, а такой вот, он ушел – и все.

СОЛЯРИС

(Ассоциативный ряд: Ст. Лем – Б. Линке – А. Тарковский)

Мы увидели мир, весь укутанный смрадным туманом,
И когда заглянуть удалось нам под этот туман,
Мы увидели гладь – бесконечную гладь океана,
И дышал, как живой, неестественный тот океан.

Безучастно и вяло кровавые волны катили,
Самоцельно верша вековечное дело свое,
И из бездны, как ил, на поверхность свою выносили
Чьи-то кости, и каски, и сгнившее чье-то тряпье.

Мы пришли в этот мир, мы искали в нем звездных сокровищ,
Но нашли только мир, утонувший в своей же крови.
Та пучина на свет порождала ужасных чудовищ,
Так похожих на нас, но лишенных души и любви.

Мы смотрели на них и от страха сжимались и стыли,
Понимая, что все невозможно уже изменить,
Ведь чудовища те океаном к нам посланы были
Для того, чтобы нас в этом мире навек заменить.

Они молча грядут, утопая в песке сапогами,
А мы пятимся прочь перепуганной жалкой гурьбой
И не знаем уже, кто сейчас стоит об руку с нами:
То ли все еще мы, то ль давно уже кто-то другой.

Они здесь, они здесь, порожденья гнилого тумана!
Они вышли вершить правосудье над нами свое!
Еще миг, и мы все станем частью того океана,
И он будет качать на волнах уже наше тряпье.

ГОРОД-ПРИЗРАК

Вновь всю ночь за окном выл пронзительный ветер.
Снегом в окна швырял, разозлившись, февраль.
Но пурга улеглась. Тишина на рассвете.
Снег хрустит под ногой, и туманится даль.

Горизонт впереди. Я по снегу шагаю
Вниз по улице шумной, прямой, как стрела.
Не грущу о былом, о грядущем не знаю.
В голове лишь проблемы одни да дела.

С веток иней слетал, как хрустальная пудра,
И уж точно не ждал я сегодня чудес,
Но внезапно из дымки морозного утра
Предо мной возник город на фоне небес.

Тот мираж из тумана поднялся громадой,
Сам похожий на серый и влажный туман.
Видел я корпуса, колоннады, аркады,
И мосты через реку, и даже фонтан.

Пораженный, застыл я, шатаюсь, как пьяный.
Хмуρο люди, как столб, обходили меня,
И никто из них нá небо даже не глянул...
Неужели же город увидел лишь я?

В зыбком мареве пасмурной утренней стужи
Город-призрак качался, как сон наяву.
Может, там и живут после смерти все души?
Может, именно это все раем зовут?

И не в этом ли цель нашей жизни, и скоро
В тот туман всяк из нас должен будет войти,
Чтоб попасть навсегда в этот призрачный город
И покой, наконец, для себя обрести...

Только вздрогнул мираж и, всего на мгновенье
Замерев, как стоп-кадр, в сером небе пропал.
Я стоял и смотрел, но поблекло виденье,
И опять лишь туман горизонт застилал...

Алесь Геннадьевич Черкасов родился в 1970 году в городе Шымкенте, по национальности белорус, окончил филологический факультет Жезказганского университета им. О. А. Байконурова. Филолог-славист. Пишет стихи и прозу, занимается переводами. Автор поэтического сборника «Скальд ночного города». Стихи публиковались в нескольких коллективных сборниках, в периодике и Интернете. Два стихотворения автора в 2006 году включены в республиканский учебник русского языка за 6-й класс (Алматы: «Атамұра»).

